ПРИБАВЛЕНИЕ ДНЯ

Поэзия — спасенье языка, вечно новорожденная родниковая речь. И то, что может сказать она, не скажет никто, хотя, казалось бы, — говорят все, хором повторяя уже давно сказанное. Но как редко можно услышать:

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человечьей речи
Душа остывшая темна...

Поэзия всегда начинается с внутренней тишины. И ощущение родниковой чистоты слова возникает с первых строк — любых строк, на которых открывается поэтическая книга Виктора Кирюшина. Его имя уже давно известно истинным ценителям русской поэзии. Одно из главных, душевно близких, мощно притягательных свойств стихов Кирюшина — глубокое национальное чувство. Это очень русские стихи. И русские они не по внешнему сюжетному признаку, хотя и его нельзя не отметить. В первую очередь — язык.

Слово, попадающее в магнитное поле поэтической речи Виктора Кирюшина, приносит с собой все, что было накоплено веками: точность, полнозвучность, оттенки чувств, многозначность смысла. Слово как сеть захватывает такое широкое пространство, такие временны́е промежутки, что улов этот поначалу представляется невозможным, невероятным:

Все начиналось разговорами,
Чтобы немного погодя
Эпоха щелкала затворами,
Дыханья не переводя.

Сначала котелки да тросточки…
А нынче в поле, где пырей,
Не различить немые косточки
Ведомых и поводырей.

Но это всегда есть в самой природе родного языка, и точное ви́денье благодаря прозрачности мгновенно становится предвиденьем и даже мудрым остережением для понимающих, ибо все уже было и поэту ведомо. В каждом стихотворении книги — своя глубина, но все они полны воздуха, мерцающего оттенками смыслов, пробуждающего в чутком читателе талант со-чувствия, со-переживания.

Русской, родной ощущается и та особая слитность с природой, которая есть практически в каждом сюжете. Загадка «русскости» в сущности своей проста: русский человек широк потому, что пространство своего бытия принимает как часть себя самого — и даже не часть, а основу. И он до сих пор еще естественен, природен настолько, чтобы позволить себе и глубокий гармонический покой, непонятный и пугающий для непосвященных, и сокрушительную стихию чувств, страшащую своей неизвестно откуда берущейся силой, и мгновенный переход от одного состояния к другому.

Чем дальше развивается цивилизация, тем больше настораживает и пугает ее приверженцев эта широта и стихийность, но без нее русская душа высыхает, становится бессильной и вполне пригодной для оцифровки. И потому —

…Как сладко услышать средь тысяч созвучий
Таинственный зов пламенеющей тучи
И шум поднебесный угрюмого бора
Раскатами неисчислимого хора!

Душе ведь не нужно особой науки —
Ловить на лету эти ритмы и звуки,
Мелодии, жалобы, вздохи и пенье,
В которых сливаются страсть и терпенье…

И еще одно — родное, угадываемое с полустроки, полувздоха при чтении — русская музыка этих стихов. Искусственно ускоряемый, рваный ритм современной жизни чужд и губителен для русского человека, верлибр с его поэтической развязностью пуст, а рэп удушающее тесен. Родня русскому — музыка, живущая в открытом пространстве полей, холмов, рек, взлетающая к вершинам гор — дышащая полной грудью.

Музыку не понимают — музыку чувствуют, ею настраивают мысли — а вовсе не наоборот. Она несет в себе, говоря современным языком, основное знание о мире, о его глубинных закономерностях, и то, чего нельзя пока еще постичь рассудком, постигается сердцем, его со-звучием, совпадением таинственных глубинных ритмов.

Дождик шепчет, ветер колобродит,
Гром гремит, ревмя ревет волна…
Музыка живет в самой природе,
Потому и вечная она.

<…>

Луг звенит.
Над синей гладью плеса
Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосо,
Как награда — абсолютный слух.

Может быть, потому и способна мгновенно подняться в русском человеке высокая волна воли. На языке музыки русский и понимает природу, и принимает ее покой и ее силу. Музыка определяет и должную меру поэтического пафоса, и остерегает от гибельного:

В краю истерзанном и голом,
Где в полдень не видать ни зги,
Поэт, не жги сердца глаголом!
Во имя Господа
Не жги!

Казалось бы — открытый спор с пушкинским «Пророком», где именно в уста Бога вкладываются слова «...глаголом жги сердца людей», явное противоречие, но ничего противоречивого здесь нет, есть точная мера слов и событий, мера, которую ощутить способна именно поэзия:

Не перейди незримой грани,
Святой взыскуя правоты.
Ты видел сам —
На поле брани
Лишь ядовитые цветы...

Еще одна характерная черта русской поэзии — почти природная естественность метафор, а чаще даже и простой параллелизм. Русская метафора — не самоцель и даже не средство, и не столько превращение форм, сколько объединение их одним, единым, всеобщим содержанием:

Где тихая роща кончается
И звезды ночуют в реке,
Стоит одуванчик,
Качается
На тонкой зеленой ноге.

Прощаются люди,
Встречаются,
Стихают шаги за окном...
Стоит одуванчик,
Качается
На маленьком шаре земном.

Казалось бы — и что в безыскусной простоте искушенному читателю? Но не в пищу праздному уму предназначены эти тонкие связи, они — соломинки для спасения, наилегчайшие мостики над оврагами и ущельями бытия. Поэзия Виктора Кирюшина очень земна, вполне конкретна — в ней много теплых, родных сердцу примет, но не тяжелых своей плотной материальностью, а словно светящихся изнутри, и свет этот высоко печален — как высоко и светло печально всякое соприкосновение души с красотой, вечного — с мгновенным, живущего — с уходящим или будущим. А какой словесной сладостью наполняются русские имена!

На Руси предзимье.
Порыжело
В ожиданьи первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.

Киновари досыта и сини,
Тронутой летучим серебром,
В тихой роще около Медыни,
В родниковом озере у Кром.

На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

И когда Виктор Кирюшин пишет о современниках (а в книге довольно много таких сюжетов и эскизов), о чем бы ни шла речь — это всегда любование, даже если и горечь:

Годы-то все какие —
Сплошь из огня и дыма!
Бабушка Евдокия,
Матушка Серафима.

Боль от репьев-колючек,
Предощущенье строчек...
«Все Он управит, внучек».
«Не унывай, сыночек»...

Когда вынимаешь для цитат строки из контекста, не покидает странное чувство: словно срываешь один за другим цветы на лугу — для букета, но цветущий луг так и остается лугом, его не унести и не пересказать. Так и с настоящими стихами — они живут и наполняют живым воздухом книгу, в цитатах передавая только малую часть смысла. И вот вроде бы афористичность считается поэтическим «знаком качества», но ведь не так на самом деле — поэзия не в броских или чеканных строчках, а именно в воздухе, в особом веществе, которое в нем разлито... И это тоже очень русская черта.

Классическая стройность и собранность речи, ее простота и прозрачность до таинственных глубин в наше время много — и пустоговорения дорогого стоят. Сколько бы ни изощрялась «актуальная» поэзия в поиске форм и способов завоевания читателя, остается истинно актуальным только то поэтическое пространство, в котором родное слово раскрывает свою необозримую вселенную мелодии и смысла.

Виктор Кирюшин — глубоко русский поэт, и в рубежную эпоху, когда в ответ на вал глобальной культурной, национальной, личностной унификации начинает просыпаться, подниматься живое чувство родины, родной земли, истории, крови, слова, очень важно услышать — и сохранить возле сердца родниковое, питающее душу:

Вовсю метель гудит ночами,
И неприметен к лету сдвиг, —
Да мы и дней не замечаем,
Не то что краткий этот миг.

Но кто-то угли теплит в горне
И отнимает миг у тьмы,
И под землею слышат корни
Все то, чего не слышим мы.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

Округу чуть припорошило
И снова хочется туда,
Где вяз, как многорукий Шива,
Застыл у спящего пруда.

Где за озябшим перелеском,
За полем вымокшей стерни,
В промытом воздухе
Нерезком
Мерцают редкие огни.

Предзимья скудное убранство
Скрывает, смутные пока,
Необозримые пространства,
Непостижимые века.

Дорога видится сквозь сырость
Едва до первого столба...
России все дано на вырост:
Земля, история, судьба.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Красное зарево, логово зверево,
Ворона в черном на мертвом суку...
Старое дерево, старое дерево,
Все повидало на долгом веку.

Радость — негаданна, горе — непрошено.
В небе растаяли дни — журавли.
Как тебя гнули ветра заполошные!
Гнули да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево —
Вечности неистощимая снедь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

* * *

Льнет паутина к седеющим мхам.
Свет убывает.
Время рождаться грибам и стихам.
Так и бывает.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

РЕВОЛЮЦИЯ

Все начиналось разговорами,
Чтобы немного погодя
Эпоха щелкала затворами,
Дыханья не переводя.

Сначала котелки да тросточки…
А нынче в поле, где пырей,
Не различить немые косточки
Ведомых и поводырей.

История творилась начерно,
Не разделяя свет и тьму.
Не отрекусь: «Не нами начато!»
Но и душою не приму.

Соцветий высохшие венчики
На снег роняют семена…
А мы не судьи,
Мы — ответчики.
Не обвинители — вина.

Разлад из дней минувших кликая,
Мир не построить по уму.
Недаром прошлое
Великое
Нам заменяет жизнь саму.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н.И. Тряпкина

Люди не ходят,
А травы к поэту пришли,
Следуя зову приятельства и простодушья.
Немудрено украшенье могильной земли —
Мята, кипрей, одуванчик да сумка пастушья.

Ты укрощал табуны полудиких словес
И приручал своевольную птицу гагару…
Что там теперь с неулыбчивых видно небес?
Тяжко ль молчания вынести вечную кару?

Крест потемневший доверчиво обнял вьюнок.
В гуще крапивы дождя мимолетного блестки.
Славный поэту природа соткала венок —
Хвощ да осот,
Сон-трава да кукушкины слезки.

Люди больны,
Времена безнадежно глухи.
Я бы и сам не поверил в наивные сказки,
Если б не знал,
Как растут из забвенья стихи —
Чертополох, василек и анютины глазки.

* * *

Жизнь прожита.
Грехи неискупимы.
В душе, как в доме, сор и неуют.
Но отчего так сладко серафимы,
Незримые,
О будущем поют?
Суди себя по самой высшей мерке
И на краю тебя убережет
Тот дивный свет,
Что никогда не меркнет
И та любовь,
Что никогда не лжет.

ДОЖДЬ

Возникшая у кромки леса,
Плывет над лугом, погодя,
Полупрозрачная завеса
Живого, доброго, дождя.

Плывет, колышется, не тает.
Вся — нежность и полутона,
Как будто музыка витает
У отворенного окна.

А там, размыты и нечетки,
Вдоль мокрых улочек пустых,
Берез растрепанные челки,
Рябин рубиновые четки
И липы в каплях золотых.

* * *

Заглохший сад.
Пугливых яблонь ряд.
В озябших кронах трепет лунных пятен.
Есть час, когда деревья говорят,
Но их язык для нас уже невнятен.

И остается только горевать,
Как человечий бесполезен опыт,
Чтобы понять или истолковать
Листвы живой и первобытный шепот.

* * *

Для горечи немало оснований:
Болезнь, обман, неотданный должок…
О, бесконечных разочарований
Жестокий и завистливый божок!

Уныния смертельная отрава
Отрадна и по-своему сладка,
Когда едва забрезжившая слава
Украдена, как булочка с лотка.

Есть женщина, которая из плена
Отчаянья
Несла со мною кладь…
Но где любовь, а где ее подмена —
Уже и самому не разобрать.

Пусть заметает времени пороша
Казавшиеся главными дела.
Несбывшегося тягостная ноша,
В конце концов, не так и тяжела.

И я, как все, взлетал и разбивался,
И мне утраты остужали пыл.
Кто в жизни вдрызг не разочаровался,
Тот эту жизнь взахлеб и не любил.

* * *

В небе осеннем свинец
И в реке.
Глянешь:
И сердце сожмется от боли.
Черная птица
Летит вдалеке
Через остывшее
Черное поле.
Темной водою набрякла межа.
Дикого хмеля оборваны плети.
И замирает, как поле, душа,
Жить без тепла привыкая на свете.

* * *

Превратностей земная череда
Для смертного, увы, недолго длится,
Но дерево и камень, и вода
Нас памятливей на слова и лица.

Унылому забвенью вопреки,
Не принимая тленья и распада,
Они хранят касание руки
И трепет губ,
И безмятежность взгляда.

Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.